

Пожертвованія отдѣльныхъ лицъ начинаютъ притекать рѣкою вездѣ, гдѣ населеніе убѣждается въ огромномъ значеніи библіотекъ. Въ Америкѣ, кромѣ Карнеги, который даетъ на библіотеки такія колоссальныя средства, огромныя пожертвованія получаютъ библіотеками всѣхъ типовъ и повсемѣстно. Асторъ, Леноксъ, Тильденъ, Рушъ, Праттъ и др. завѣщали или дарили библіотекамъ миллионныя состоянія. Больше всего обезпечены такими дарами публичныя библіотеки въ городахъ, но не забыты и другіе типы. Мнѣ довелось объѣздить рядъ селеній вдоль берега озера Эри, и въ каждомъ изъ нихъ я видѣла такую библіотеку, которая сдѣлала бы честь любому нашему городу по своимъ размѣрамъ и постановкѣ дѣла. Въ селѣ Фредоніи, на примѣръ, библіотека, устроенная на средства Баркера, имѣетъ около 27 тыс. томовъ, прекрасное дѣтское отдѣленіе и т. д. Въ селѣ Вестфильдѣ, миляхъ въ сорока отъ Фредоніи, библіотека еще крупнѣе и имѣетъ чудное собственное зданіе, которому позавидовали бы московскія публичныя библіотеки, не имѣющія хорошихъ помѣщеній. Въ Вестфильдѣ на библіотеку одной изъ мѣстныхъ жительницъ, въ память ея отца, большого общественнаго дѣятеля, пожертвовано было сто тысячъ долларовъ. Не остаются частными пожертвованіями и академическія библіотеки. Вотъ одинъ изъ недавнихъ фактовъ. Въ 1912 году, возвращаясь изъ Европы со своимъ отцомъ на кораблѣ „Титаникъ“, погибъ во время ужасной морской катастрофы молодой человѣкъ Гарри Уайденеръ, уроженецъ Бостона, незадолго передъ тѣмъ окончившій Гарвардскій университетъ, въ своемъ родномъ городѣ. Уайденеръ былъ страстнымъ библиофиломъ и владѣлъ коллекціей очень рѣдкихъ книгъ. Изъ каждой поѣздки въ Европу онъ привозилъ новыя пріобрѣтенія для своей коллекціи, и въ томъ году досталъ какое-то рѣдкое изданіе „очерковъ“ Бэкона, съ которымъ не разставался ни на минуту. Такъ онъ и утонулъ съ этой книгой въ карманѣ. Онъ оставилъ завѣщаніе, въ силу котораго его цѣнная книжная коллекція должна поступить въ Гарвардскій университетъ, но зданіе университетской библіотеки было чрезвычайно тѣсно, и правленіе университета никакъ не могло размѣстить подобающимъ образомъ этого исключительнаго по размѣру и богатству книжнаго собранія. Тогда мать Уайденера, потерявшая въ катастрофѣ сына и мужа, рѣшила построить на свои средства

новое зданіе для Гарвардской бібліотеки, имѣющей уже теперь до полутора милліоновъ томовъ. Виѣстъ съ оборудованіемъ это зданіе обошлось около двухъ милліоновъ долларовъ и было торжественно открыто въ 1915 году.

Большое количество частныхъ пожертвованій и деньгами и книгами получаютъ также англійскія бібліотеки. Уже лѣтъ двадцать тому назадъ одна изъ англійскихъ бібліотекъ въ Брэдфордѣ стала печатать на обложкахъ своихъ отчетовъ текстъ завѣщанія. Теперь ея примѣру послѣдовали многія бібліотеки Англій и Америки, и—неизвѣстно самый ли текстъ завѣщанія или интересъ, пробужденный къ бібліотекѣ отчетомъ, но приливъ пожертвованій къ бібліотекамъ все увеличивается.

У насъ довольно часто жертвуются книжныя коллекціи академическимъ бібліотекамъ. Встрѣчаются пожертвованія и на публичныя (какъ городскія, такъ и сельскія бібліотеки), хотя и не такія грандіозныя, какъ за границей. Я укажу на два случая пожертвованій, которые представляются очень характерными, какъ выраженіе интереса, возбужденнаго бібліотекой. Харьковская общественная бібліотека однажды обратилась къ автору книгъ объ оккультизмѣ г. Аксакову, жившему въ Петербургѣ, съ просьбою пожертвовать бібліотекѣ свои сочиненія. При такихъ просьбахъ бібліотека обыкновенно прилагала въ видѣ мотивировки краткій очеркъ своей дѣятельности. Надо сказать, что эта бібліотека отличалась поистинѣ американскимъ ростомъ и живымъ общественнымъ духомъ. Книги въ свое время были получены отъ г. Аксакова, а затѣмъ, черезъ нѣсколько лѣтъ, къ полному изумленію правленія бібліотеки, прибыло нѣсколько ящиковъ съ драгоцѣннѣйшей коллекціей научныхъ книгъ: оказалось, что г. Аксаковъ, заинтересовавшись исторіей харьковской общественной бібліотеки, завѣщалъ ей часть своей личной бібліотеки, которую душеприказчики и прислали во исполненіе его воли. Другой случай: въ томъ же городѣ бесплатная народная бібліотека получила участокъ земли по завѣщанію отъ неграмотнаго сапожника, который жилъ противъ бібліотеки, ежедневно приходилъ посидѣть въ читальнѣ и съ умиленіемъ глядѣлъ, какъ другіе читаютъ книги и газеты.

Самое крупное изъ пожертвованій на бібліотечныя цѣли у насъ это—капиталъ П. И. Макушина, около милліона рублей,

внесенный имъ въ фондъ устройства сельскихъ библіотекъ сначала въ Томской губерніи, а по осуществленіи тамъ сѣти—въ остальной Сибири.

Если сравнить финансы русскихъ библіотекъ съ библіотеками другихъ государствъ, то мы увидимъ, какъ ничтожны наши бюджеты и какъ шатки ихъ статьи. Государство до сихъ поръ приходило на помощь только библіотекамъ государственнымъ и академическимъ; правительственную субсидію получало только одиннадцать публичныхъ библіотекъ, преимущественно такихъ, которыя связаны съ музеями. Городскія самоуправленія мѣстами сами устраивали и содержали библіотеки, мѣстами субсидировали какія-нибудь существующія библіотеки. Больше всего помощи библіотекамъ въ смыслѣ финансированія оказывали земства. Теперь съ распадомъ большинства городскихъ и земскихъ самоуправленій, въ цѣломъ рядѣ губерній библіотеки обстоятъ весьма неблагополучно. Въ Оренбургской губ. всѣ земскія библіотеки закрылись, въ Самарской участь была бы та же, если бы на помощь не пришли кооперативы, и т. д. Подвести общихъ итоговъ въ переживаемый моментъ еще невозможно. Необходимо, однако, указать, что при нынѣшнемъ книжномъ голодѣ особенно чувствительнымъ ударомъ для культуры является всякое закрытіе или уничтоженіе библіотекъ.

Что касается уничтоженія библіотекъ, то нынѣшній годъ ознаменованъ цѣлыми гекатомбами. Очень много сожжено и безвозвратно погублено помѣщичьихъ библіотекъ во время аграрныхъ движеній. Уцѣлѣвшія отъ этого разгрома библіотеки теперь часто подвергаются реквизиціи „на предметъ комплектованія народныхъ библіотекъ“. Такой способъ, нужно признаться, ведетъ не къ созиданію цѣнностей, а къ ихъ уничтоженію. Въ частныхъ библіотекахъ, которыя не разъ описывались въ спеціальной прессѣ *), содержалось много научныхъ книгъ какъ на русскомъ, такъ и на иностранныхъ языкахъ. Нерѣдко русскіе искатели, ученые и мыслители создавали свои крупные труды на лонѣ природы, въ деревенской тиши. Даже самыя библіотеки, которыми они себя окружали для работъ, служатъ драгоцѣннымъ матеріаломъ для ихъ характеристики, и неда-

*) См. статью: *Иваскъ, У. Г.* Частныя библіотеки въ Россіи. Опытъ библіографическаго указателя. „Русск. Библіофилъ“ 1911. III, IV, VI, VII.

ромъ эти библіотеки спеціально изучаются, какъ изучается, напр., подъ руководствомъ А. Е. Грузинскаго, библіотека Льва Николаевича Толстого въ Ясной Полянѣ.

По своему составу помѣщичьи библіотеки не подходятъ къ типу сельскихъ библіотекъ, для которыхъ въ лучшемъ случаѣ можетъ пригодиться оттуда горсточка книгъ. А все остальное подвергается уничтоженію и расхищенію или продается городскимъ букинистамъ, которые, зачуявъ поживу, организовали скупку книгъ по деревнямъ, перепродавая ихъ потомъ, конечно, по спекулятивнымъ цѣнамъ въ городѣ. Такимъ образомъ, разрушаются безплодно однѣ цѣнности, но изъ нихъ не созидаются другія. То же явленіе наблюдается и въ городахъ. Въ Москвѣ, напр., реквизирована была довольно обширная библіотека благороднаго собранія и передана совѣту профессиональных союзовъ. Совѣтъ для своей библіотеки выбралъ оттуда тысячи полторы томовъ, остальные книги свалены въ подвалъ, и ихъ расхищаютъ направо и налево. Опять-таки по типу реквизированная библіотека вовсе не могла дать для намѣченной цѣли подходящаго матеріала, а между тѣмъ въ своемъ составѣ, гдѣ было, между прочимъ, много иностранной литературы, она представляла извѣстную культурную цѣнность, разрушенную безъ всякой надобности и безъ всякой пользы.

Въ нѣкоторыхъ городахъ пошли еще дальше. Такъ, въ Харьковѣ, во время господства большевистской власти, изданъ былъ декретъ объ отобраніи книгъ у всѣхъ частныхъ лицъ, за исключеніемъ учителей и врачей, и у многихъ ихъ личныя библіотеки были отобраны. Здѣсь задѣтъ цѣлый рядъ этическихъ моментовъ. Во-первыхъ, развѣ только учителя и врачи для профессиональной работы должны имѣть подъ рукою книги? А инженеръ, архитекторъ, писатель, журналистъ, артистъ, юристъ, ветеринаръ и т. д. для профессиональной работы могутъ обойтись безъ книгъ? Во-вторыхъ, если человѣкъ свой заработокъ пропиваетъ, проигрываетъ или инымъ образомъ пускаетъ въ трубу, то съ него и взятки гладки, а если онъ обращаетъ его въ книги, съ которыми сроднилась его душа или на которыхъ онъ работаетъ для самообразованія и самоусовершенствованія, то можно у него ихъ отбирать? Обычно государства покровительствуютъ народнымъ сбереженіямъ, которыя лежатъ въ видѣ вкладовъ и текущихъ счетовъ, потому что эти

сбереженія—показатель народнаго благосостоянія. А сбереженія въ видѣ книгъ—показатель умственнаго развитія населенія, и потому, естественно, имъ надо покровительствовать, а не отбирать ихъ. Въ-третьихъ, опять-таки коллекціи частныхъ лицъ все-таки содержатъ много спеціальныхъ и иностранныхъ сочиненій, которыя обречены безплодно погибнуть ради того, чтобы извлечь изъ нихъ нѣкоторое количество книгъ для популярныхъ библіотекъ. Наконецъ, формированіе библіотекъ такимъ путемъ никогда не сдѣлаетъ ихъ родными и близкими населенію, въ чемъ собственно лежитъ главный залогъ ихъ успѣха. Пробужденіе интереса къ библіотекамъ и сознанія ихъ важности также относится къ области библіотечной политики. Въ этомъ отношеніи примѣняются самыя разнообразныя приемы. Такъ, Италія, страна очень отсталая въ смыслѣ библіотекъ для общественнаго пользованія, сдѣлала положительно чудеса: въ 1908 году возникла „Федерація итальянскихъ народныхъ библіотекъ“, которая задалась цѣлью поднять библіотечное дѣло. Популярныхъ библіотекъ къ тому времени на всю Италію насчитывалось всего 38. Дѣятели федераціи объѣзжали всю страну, устраивая митинги, на которыхъ выясняли значеніе книги и библіотеки. Въ южной Италіи очень большое участіе въ этихъ митингахъ принимала Паола Ломброзо, извѣстная русской публикѣ своими педагогическими трудами. Черезъ три года число народныхъ библіотекъ въ Италіи, возникавшихъ на мѣстныхъ средства лишь при указаніяхъ и руководствѣ Федераціи, дошло до 700.

Чрезвычайно важно, чтобы правильная библіотечная политика нашла себѣ отраженіе въ библіотечномъ законодательствѣ. То библіотечное законодательство, которое существовало въ Россіи при старомъ режимѣ, представляло сплошную цѣпь загражденій для развитія библіотекъ. Теперь мы живемъ безъ всякаго библіотечнаго законодательства, но когда-нибудь оно будетъ вырабатываться, и тогда въ основу его должны быть положены совершенно другіе принципы. Оно должно обезпечивать библіотекамъ правовое положеніе и содѣйствовать широкому распространенію культуры при помощи библіотекъ.

Къ библіотечной политикѣ относится также такая организація библіотекъ, которая во главу угла ставитъ интересы читателей: библіотека должна быть, по возможности, бесплатной и

производить выдачу книгъ при наименьшихъ стѣсненіяхъ для читателя; въ библіотекѣ, кромѣ абонементна, должна быть и читальня, и дѣтское отдѣленіе; часы открытія должны быть приноровлены ко времени окончанія занятій на службѣ и работѣ; библіотека обязательно должна быть открыта въ воскресные дни, предоставляя своему персоналу для отдыха какой-ни будь будень (въ большихъ библіотекахъ можегъ устраиваться такое чередованіе, чтобы каждый библіотекаръ имѣлъ свой выходной день—у одного понедѣльникъ, у другого вторникъ и т. д.). (Словомъ, всѣ правила и способы работы въ библіотекѣ должны приспособляться къ основнымъ заданіямъ. Недаромъ одно изъ недавнихъ нѣмецкихъ руководствъ по библіотечковѣдѣнію носить названіе „Библіотечной политики“ (Ladewig P. Politik der Bücherei. Leipz. 1912. 427SS.).

Въ общемъ можно сказать, что библіотечная политика, столь успѣшно проведенная въ С. Штатахъ и въ Англіи и давшая такія большія достиженія, является теперь образцомъ для подражанія во всѣхъ культурныхъ странахъ міра. Въ западной Европѣ стали устраиваться библіотечныя сѣти путемъ добавленія къ существовавшимъ мелкимъ библіотекамъ болѣе крупной центральной. Строй отдѣльной библіотеки сталъ измѣняться въ сторону общественности и соціально-культурной реформы. Улучшились методы библіотечной работы и библіотечная техника, которая является очень существеннымъ условіемъ для экономіи труда и времени въ работѣ. Стало обращать вниманіе на подготовку библіотекарей, стали устраиваться спеціальные курсы и школы, разрослась спеціальная литература и т. д. Этому въ значительной мѣрѣ способствовали командировки библіотекарей различныхъ странъ въ американскія библіотечныя школы. По возвращеніи ими у себя проводилась реформа библіотекъ въ духѣ американской библіотечной политики, и результаты уже съ перзаго года оказывались огромными. Это особенно замѣтно, напримѣръ, въ Норвегіи, Швеціи и Даніи, а изъ странъ внѣевропейскихъ—въ Японіи. Теперь вводится впервые библіотечная организація въ Китаѣ и въ нѣкоторыхъ частяхъ Индіи.

Одно изъ полузависимыхъ государствъ Индіи, Барода, пригласило на три года американца, чтобы выработать библіотечную сѣть и положить ей начало. Сѣть выработана съ расче-

томъ на выполненіе въ теченіе 10 лѣтъ, при чемъ двѣ трети расходовъ по библіотекамъ принимаетъ на себя государство. Уже въ первые два года основано было 450 бесплатныхъ библіотекъ, центральная въ 100 тыс. томовъ, двѣ въ болѣе крупныхъ городахъ по 20 тыс. томовъ, 36 по 5 тыс. томовъ, остальные—сельскія. Основано было библіотечное общество, издается библіотечный журналъ (на англійскомъ и двухъ туземныхъ языкахъ), устроены полугодовые библіотечные курсы. Послѣ отъѣзда американца дѣло продолжаетъ индусъ съ высшимъ образованіемъ, Кудалкаръ, которому удалось уже осуществить болѣе половины сѣти, которая охватываетъ все маленькое государство. Для библіотекъ выстроены красивыя зданія. Магараджа, правитель Бароды, самолично открываетъ каждую болѣе или менѣе значительную библіотеку и держитъ рѣчь на тему, что „библіотека—это народный университет“. А библіотечный журналъ *Library Miscellany*, издающійся въ Бародѣ, цѣлымъ рядомъ интересныхъ замѣтокъ свидѣтельствуетъ, что тамъ живо бьется пульсъ библіотечной жизни.

XI.

„Все для читателя“.

Въ одномъ изъ номеровъ американскаго библіотечнаго журнала мнѣ попалась любопытная статейка подъ заглавіемъ „Людскіе интересы въ публичной библіотекѣ“. Авторъ ея — библіотекарша изъ города Гудвина, въ штатѣ Тенесси *). Приведу оттуда нѣсколько выдержекъ.

„Красивый индусъ съ задумчивыми темными глазами и изысканной рѣчью подошелъ ко мнѣ и попросилъ указать, что есть въ библіотекѣ по вопросу объ исправленіи рѣкъ. Онъ отрекомендовался, какъ студентъ инженерной школы, и сказалъ, что черезъ годъ долженъ возвратиться въ Калькутту и знакомить своихъ земляковъ съ американскими строительными методами. Пользуясь каникулами, онъ пріѣхалъ въ Мемфисъ, чтобы познакомиться съ тѣмъ, какъ производится дренажъ

*) Freeman, M. W. „Human interest“ in the Public Library. „Library Journal“ 1917, II.

рѣки въ долинѣ Миссисипи, гдѣ природныя условія во многомъ сходны съ тѣмъ, что онъ имѣетъ у себя на родинѣ.

— Нѣтъ ли у васъ также произведеній моего соотечественника Рабиндранатъ Тагора?—спросилъ онъ. На столикъ ему, вмѣстѣ съ книгами по инженерному дѣлу, положили произведенія Тагора, и онъ нѣсколько часовъ занимался попережку дренажемъ, поэзіей и философией.

У прилавка ожидали два молодыхъ американца, одинъ приземистый и толстенькій, другой высокій и худой.—Скажите, пожалуйста,—спросилъ приземистый,—какой ростъ нужно имѣть для поступленія въ національную гвардію?—И сколько нужно вѣсить для службы въ арміи?—добавилъ худой.

Я взяла армейскія правила, справочникъ для рекрутовъ и вдобавокъ позвонила капитану расположеннаго у насъ полка, чтобы правильно разрѣшить эти вопросы. Въ результатъ юноши ушли съ убѣжденіемъ, что ни ростъ, ни толщина, ни недостатокъ того или иного не могутъ освободить ихъ отъ службы для родины.

Звонитъ телефонъ. Спрашиваютъ имя нѣмецкаго генеральнаго консула въ Чикаго, и можно ли такому должностному лицу написать попросту „уважаемый сэръ“.

Молодой человѣкъ, глухонѣмой, протягиваетъ смущенно записку. На ней вопросъ: „Есть ли у васъ любовный письмовникъ?“ Библиотекарша подумала и достала съ полки „Руководство къ писанію дѣловыхъ и общественныхъ писемъ“ и указала ему отдѣлъ III—„Любовь и бракъ“. Съ облегченнымъ вздохомъ влюбленный юноша усѣлся въ уголокъ, гдѣ долго лихорадочно писалъ, перечеркивалъ и снова писалъ. Наконецъ, онъ сложилъ одинъ листокъ и спряталъ въ карманъ. Послѣ его ухода въ корзинѣ для бумагъ осталось много клочковъ съ началами и концами „любовныхъ писемъ“, не лишенныхъ жара, но изложенныхъ нѣсколько вычурнымъ стилемъ „Руководства къ писанію дѣловыхъ и общественныхъ писемъ“.

Снова телефонъ. Бюро улучшенія фермерства проситъ указать шесть лучшихъ книгъ по сельскому хозяйству—въ томъ числѣ одну о всѣхъ видахъ хозяйства—для маленькой сельской библиотечки,—ихъ хочетъ подарить библиотекѣ одинъ изъ ея друзей. Кромѣ того, есть ли въ библиотекѣ новыя „Сельскія смѣты“ и „Будущее хлопчатобумажнаго дѣла“? Библиотекарша

на первый вопросъ отвѣтила „сегодня послѣ обѣда“, а на второй „да“ и въ душѣ порадовалась, что своевременно заказала требуемую книгу. Порадовалась также, что не забыла девиза „Хлопчатныя фабрики въ хлопчатныхъ штатахъ“, когда одинъ читатель потребовалъ у нея книгъ для справокъ о цѣнѣ машинъ и обзаведенія хлопчатной фабрики.

У прилавка появились три дамы. Въ городѣ шла ожесточенная лѣтняя борьба между Бюро здравія, которое настаивало на пастеризаціи молока, и Союзомъ молочныхъ фермъ, который доказывалъ, что его молоко безупречно и въ пастеризаціи не нуждается. Самый крупный изъ женскихъ клубовъ въ городѣ принялъ участіе въ этомъ спорѣ и прислать своихъ представителей въ библіотеку проштудировать вопросъ. Вооружившись послѣдними отчетами Американской врачебной коммисіи по изслѣдованію молока и молочными бюллетенями неутомимаго Департамента Земледѣлія, онѣ усѣлись за столикъ. Тѣмъ временемъ библіотекарша позвонила извѣстному дѣтскому врачу, спросила его мнѣнія по данному вопросу и сообщила имъ въ добавленіе къ литературнымъ матеріаламъ.

Только библіотекарша положила трубку, какъ къ ней подошелъ рыжеволосый чужестранецъ. Онъ только что пріѣхалъ изъ С Луи. Полицейскій на углу направилъ его въ библіотеку и сказалъ, что „библіотечная барышня“ научить его, какъ найти должность. Онъ родомъ изъ Одессы, пробылъ въ Америкѣ два года, служилъ разсылнымъ, но готовъ на какую угодно работу. Его открытое лицо внушало довѣріе, и библіотекарша чувствовала, что и такой просьбы она не можетъ оставить безъ вниманія. Но какъ поступить? Она сбвела взоромъ читальню. За однимъ изъ столовъ, склонившись надъ новыми книгами по социологіи, работалъ молодой еврей. Библіотекарша обратилась къ нему за совѣтомъ. Черезъ минуту онъ звонилъ по телефону въ еврейское благотворительное общество. Ему отвѣтили: „Пріѣзжій изъ Одессы? Хорошо. Пришлите его сюда. Мы ужъ его устроимъ“...

Эта страничка изъ дневника библіотекаря рисуетъ ту „консультативную“ работу читальнаго зала библіотеки, важность которой понемногу начинаегъ сознаваться и у насъ, особенно въ сельскихъ мѣстностяхъ. Подобная работа испробована была въ рядѣ библіотекъ Уфимской, Вятской, Ставропольской губ.,

и въ земскихъ матеріалахъ и отдѣльныхъ статьяхъ мы встрѣчаемъ цѣнные наблюденія библіотекарей и дневники, по которымъ можно болѣе или менѣе судить о запросахъ читателей. Побольше бы такихъ дневниковъ—тогда мы значительно шагнули бы впередъ, имѣли бы болѣе твердую почву подъ ногами, чтобы библіотека могла активно помогать читателю. Такая помощь будетъ вполне дѣйствительной лишь тогда, когда она будетъ основываться на изученіи читателя. Безъ этого условія принципъ „все для читателя“ не можетъ быть осуществленъ въ полной мѣрѣ.

„Чтобы показать, какъ и какія книги спрашиваютъ крестьяне и какъ о нихъ отзываются, приведу нѣсколько отрывковъ изъ своего дневника“, пишетъ завѣдующая сельской библіотекой Ставропольской губ. *).

„Просьбы дать книги „потолще да получше“, „чтобы не про одно“, „про войну“, „про старину“, „божественную“, „чтобы была полезна“, „потѣшныхъ разсказовъ“, „Толстого въ томахъ“.

Дѣвушка 17 л.—„Про любовь есть“?

Крестьянинъ 38 л.—„Дай книгу про героевъ войны“.

Ватага хлопцевъ—„Дай потѣшную, про сказки, дѣвокъ поселить“.

Крестьянка лѣтъ 27—„Мнѣ листокъ, что баба на войну уходила“.

Новобранцы разобрали всѣ пѣсенники „Посредника“ послѣ того, какъ я прочитала нѣсколько пѣсень.

Крестьянинъ 32 л. (запасной на очереди)—„Мнѣ дайте что-нибудь, связанное съ теперешними событіями“. (Выбралъ книги Огановскаго и Маслова).

Дивчатамъ предлагаю Толстого „Упустишь огонь“. „Не, не надо, это у насъ ребята на куткѣ читали“.

Старикъ 55 л., неграмотный—„Какъ книжку читаютъ дѣвки, такъ всѣ до полуночи сидимъ, слушаемъ. Шурка читала, какъ Христа распинали,—бабы плакали“.

Старикъ 52 лѣтъ—(по прочтеніи книги по географіи Европы). „Лучше не нашелъ книги: на печкѣ сидя, все узнаешь“.

*) Христорождѣнскій, М. М. Годъ работы въ земской библіотекѣ-читальнѣ. Въ брошюрѣ „Работа въ земскихъ библіотекахъ-читальняхъ Ставропольскаго Губернскаго Земства“. Ставро. 1917, стр. 15—16.

Крестьянинъ 24 л.—„Нѣту книгъ, какихъ надо, Толстой не допущенъ, а за границей печатаютъ“.

Крестьянинъ лѣтъ 36—„Книги не учать, какъ лучше жизнь устроить, а въ народѣ—неустройство. Тамъ (въ книгахъ) все про прошлое описываютъ, какъ да отъ кого кто произошелъ, какъ въ старыя времена жили. Чтобы понять, почему все не такъ, книги не говорятъ“.

Солдатка—„Съ книжкой-то весело стало, раньше все думки о мужикѣ, да о войнѣ, наревешься вволю, а теперь вечеръ-то и не видишь“.

Дѣдушка лѣтъ 60—„Читайте, ребята, не зря, понимать книгу надо. Книга глаза открываетъ“.

Женщина иногородняя (брала „Митюха-учитель“). „Эта книга очень интересная, если кто уменъ, да можетъ разбирать“.

Раненый солдатъ, прочитавъ изъ книги фразу „Россія борется за правду“, отбросилъ книгу. „И въ японскую войну то же говорили“.

Десятскій 36 л.—Прочиталъ Рубакина „О великихъ событіяхъ разныхъ временъ и народовъ“—„Вотъ она государственная-то необходимость, по 100 лѣтъ воевали, по 30 лѣтъ одинъ городъ брали. До какого истощенія доходили. А теперь что“...

Крестьянинъ 32 л., всегда посѣщалъ читальню: перечиталъ много книгъ по исторіи и социологіи, книжку Рубакина „Какъ и почему появились люди на землѣ“ не взялъ, говоритъ: „Мышь, крыса, обезьяна, человекъ, а произвела природа. Не читалъ объ этомъ и не буду, чтобъ вовсе не заблудился. Если это читать, то ничего, рѣшительно ничего не останется, чему вѣрить. По ученію церкви—солнце ходитъ, а по астрономамъ—земля. Чи святые ошибаются, чи наука?“ — (Теперь онъ въ тюрьмѣ по обвиненію въ участіи разгрома лавокъ).

Крестьянинъ лѣтъ 26, въ церковь не ходитъ. Перечиталъ всѣ мелкіе толстовскіе рассказы. Всегда спрашиваетъ, какъ я, завѣдующая, понимаю. Самъ толкуетъ иносказательно. Посмотрѣвъ книгу „Основы жизни“ (біологія), не взялъ: „Если, говоритъ, прослѣдишь книги такія, то на будущую жизнь и не надѣйся, бери здѣсь, что нужно“.

Крестьянинъ 35 л.—Значеніе книгъ отрицаетъ, потому что въ нихъ больше прошлое описывается. Зато настольный кооперативный календарь оцѣнилъ: „Календаръ правдивая и самая

нужная книга для насъ: на 1-й случай все можно узнать. Указано при какомъ государѣ что произошло, численность и какіе столичные города, сколько фабрикъ, гдѣ и какіе доходы, расходы, вывозы, привозы, садоводство, кормленіе, искусственное дыханіе.—Все рѣшительно помѣщено“.

Мастеровой-плотникъ. Много читаль. „Дай эту книгу („Освободители черныхъ рабовъ“) — Долгову — лавочнику, дюже хорошая книжечка, пусть Долговъ прочитаетъ, что на томъ свѣтѣ передъ Нимъ всѣ равны будемъ, и бѣдные и богатые“.

Выводовъ о духовныхъ запросахъ крестьянъ дѣлать нельзя. Очень они разнообразны. Громаднымъ спросомъ, понятно, пользуются книги о войнѣ; брошюру Огановскаго „Отчего загорѣлась Европейская война“ читаютъ нарасхватъ. Спрашиваютъ часто Гоголя, Достоевскаго и др. спрашиваютъ и книги по исторіи и общественнымъ вопросамъ. Женская половина населенія интересуется закономъ о воспрещеніи навсегда водки.

Нѣкоторыя изъ нихъ, солдатокъ и дивчатъ, только что научившись у меня же грамотѣ, начавъ съ „Книжки-первинки“, „Родныхъ сказокъ“, теперь читаютъ Толстовскіе рассказы, „Житія Святыхъ“, а также беллетристическія книжки изд. Слѣпцовой.

Наиболѣе сознательныя, передовыя брали даже „Новый колосъ“, тѣ №№, что я выбирала.

„Гожіе“ (новобранцы), съ которыми я занималась больше другихъ и которые сами про себя говорили, что „читаки-то мы плохіе“, начинали читать со сказокъ Гримма и лучшіе изъ нихъ дошли постепенно до Рубакинскихъ книжекъ“.

Не лишнимъ будетъ упомянуть, что авторша этого дневника начала знакомить читателей съ собою, принимая дѣятельное участіе въ деревенской жизни. Она ходила на молотъбу, просила дать ей работы, во время ужина читала вслухъ газеты, писала „адреса въ плѣнъ“ и т. д.

Только такими путями можно начинать піонерскую работу библіотеки, чтобы она не была простымъ складомъ книгъ, а сдѣлалась необходимымъ культурнымъ факторомъ. Нѣкоторыя наблюденія библіотекарей въ Вятской, Уфимской и Самарской губерніяхъ напечатаны въ гл. I моего „Руководства для небольшихъ библіотекъ“. Все-таки этихъ наблюденій пока еще не много у насъ, и относятся они преимущественно къ сельскимъ

библіотекамъ. Вообще же говоря, бібліотеки въ общей массѣ еще не даютъ тѣхъ матеріаловъ для изученія читателя, которые могли бы давать. И поневолѣ приходится ограничиться тѣмъ, чтобы выявлять лишь „туманный ликъ своего читателя“, какъ выражается отчетъ воронежской публичной бібліотеки за 50-лѣтіе ея существованія.

Въ одномъ изъ отчетовъ азовской общественной бібліотеки за послѣдніе годы есть указаніе на безпомощность читателя. „Можно подумать, что читатель *бродилъ съ завязанными глазами*, случайно выхватывая книги то изъ того, то изъ другого мѣста каталога“. Недалеко ушелъ современный читатель азовской бібліотеки отъ того, какъ читалъ Евгеній Онѣгинъ:

Томясь душевной пустотой,
Устлся онъ съ похвальной цѣлью
Себѣ присвоить умъ чужой.
Отрядомъ книгъ уставилъ полку,
Читалъ, читалъ, а все безъ толку. (А. С. Пушкинъ).

Указывая на безпомощность своего читателя, азовская бібліотека считаетъ необходимымъ оказывать ему содѣйствіе руководствомъ и предпринять какіе-нибудь шаги въ этомъ направленіи. И совершенно вѣрно—такова обязанность бібліотеки. Къ сожалѣнію, большинство нашихъ бібліотекъ еще не пришло къ этому сознанію и не въ силахъ помочь читателю даже элементарнымъ совѣтомъ. А между тѣмъ какъ важно выяснить читателю, чтобы онъ не терялъ непроизводительно времени и не отчаялся въ возможности чего-то достигнуть, хотя бы такія основныя положенія, которыя даетъ Н. А. Рубакинъ *).

Чтобы сдѣлаться образованнымъ и интеллигентнымъ человекомъ, вовсе не требуется изучить десятки разныхъ наукъ и перечитать многія сотни книгъ. Изученіе многихъ наукъ и чтеніе многихъ книгъ еще не дѣлаетъ человека образованнымъ и интеллигентнымъ. Этой цѣли можно достигнуть гораздо проще, а именно, прочитавъ и изучивъ всего лишь 40—50 книгъ,—страницъ по 300 каждая,—значить, около 12—15 тысячъ страницъ. Разумѣется, такимъ способомъ можно положить лишь

*) Рубакинъ, Н. А. Какъ и съ какой цѣлью читать книги. М. „Земля и воля“ 1918. 50 к.

основной фундаментъ своему образованію, но уже этотъ фундаментъ даетъ человѣку тотъ необходимый запасъ знаній, который позволяетъ считать его образованнымъ. Изучить 12—15 тысячъ страницъ и къ тому же основательно и въ теченіе одного года—это значить читать и изучать лишь по 33—40 страницъ въ день. Такое число страницъ человѣкъ способный можетъ одолѣть, работая ежедневно часа по два, человѣкъ среднихъ способностей—часа по 3—4. Человѣкъ же малоспособный можетъ найти для себя книги поменьше и полегче, но по тѣмъ же предметамъ. На русскомъ языкѣ теперь имѣется и продается много хорошихъ книгъ, и изъ нихъ всякій желающій можетъ выбрать для себя какъ разъ то, что ему нужно и что по силамъ.

Но самая суть работы надъ своимъ образованіемъ заключается вовсе не въ томъ, чтобы прочитать и изучить 12—15 страницъ, а въ томъ, какъ ихъ прочитать и изучить; не въ томъ, чтобы вложить ихъ въ свою голову, а въ томъ, чтобы вложить ихъ въ свою душу, т.-е. во все свое внутреннее существо такъ, чтобы онѣ вошли и въ плоть и въ кровь.

Что же именно изучать для того, чтобы сдѣлать изъ себя дѣйствительно образованнаго и интеллигентнаго человѣка? Необходимо, прежде всего, намѣтить для себя планъ своихъ занятій. Не слѣдуетъ смѣшивать три совершенно различныхъ вещи: изученіе наукъ, изученіе книгъ и изученіе жизни—это далеко не одно и то же. Одно дѣло знаніе и пониманіе самой жизни и совсѣмъ другое дѣло—наука и даже хоть цѣлый рядъ наукъ. И опять-таки совсѣмъ иное дѣло та или иная книга по такой-то наукѣ. Знакомство съ научной книгой еще не даетъ знакомства съ наукой, а знакомство съ наукой еще не даетъ знанія жизни. Главная и основная цѣль изученія—изученіе жизни. Книга только средство—она въ родѣ какъ искорка, зажигающая въ нашей душѣ лишь то, что тамъ успѣло накопиться до этого времени: въ чьей душѣ нечему загораться, на того книга и не подѣйствуетъ. До тѣхъ поръ, пока жизнь не наполнитъ душу необходимыми матеріалами, науки, какъ и книги—тоже только средства, орудія, инструменты для пониманія жизни. Каждая наука старается изучать многостороннюю жизнь всего лишь съ какой-нибудь одной стороны или съ немногихъ, напримѣръ: физика—съ физи-

ческой, исторія — съ исторической. Но, вѣдь, знаніе и пониманіе какой-нибудь одной стороны жизни — неполно и односторонне. Такое знаніе нерѣдко лишь путаетъ и сбиваетъ тѣхъ, кому неизвѣстны другія стороны жизни и другія науки, ихъ изучающія. Необходимо стремиться къ разностороннему пониманію жизни. Читая какую-нибудь научную книгу, надо думать не о ней, а о жизни, о которой тамъ идетъ рѣчь. Изучая какую-нибудь науку, тоже надо имѣть въ виду жизнь. Дѣйствительно образованнымъ и интеллигентнымъ человѣкомъ надо считать не того, кто знаетъ книги и науки, а того, кто знаетъ жизнь и умѣетъ въ ней дѣйствовать.

Поэтому вести изученіе жизни для начинающаго гораздо удобнѣе не по наукамъ, а по областямъ жизни, а каждую область освѣщать свѣтомъ возможно большаго числа наукъ. Вотъ, на примѣръ, наука о небесныхъ свѣтилахъ — астрономія. Но, чтобы понять небо, еще недостаточно знать одну только астрономію. Нужно знать и ея исторію, то-есть съ чего началась эта наука, какъ она росла и какъ выросла. А исторія астрономіи связана и съ исторіей человѣчества, съ его стремленіями, исканіями и страданіями, а также съ исторіей суевѣрій, вѣроисповѣданій, съ успѣхами мореплаванія и торговли. А точность астрономическихъ наблюденій зависитъ отъ личности того ученаго, кто наблюдаетъ, изучаетъ небесныя свѣтила, — значитъ отъ психологіи, т.-е. отъ науки о душѣ. Нельзя изучать агрономію, не зная физики, химіи и множества другихъ наукъ. А вотъ еще примѣръ: сельскій житель долженъ знать сельскую жизнь. Но какъ? Разносторонне, т.-е. рѣшительно со всѣхъ ея сторонъ, — не только жизнь растений и животныхъ, но и хозяйственную сторону ихъ разведенія. Долженъ знать и законы государственные и мѣстные, относящіеся къ сельской жизни. И исторію ея, и свойство души работника-пахаря, и отношенія крестьянъ къ помѣщикамъ, и къ правительству, и къ духовенству, и весь укладъ въ крестьянской жизни. Подобно этому слѣдуетъ изучать со всѣхъ сторонъ и всѣ другія области жизни. Не слѣдуетъ изучать какую-либо одну науку, обходя всѣ другія, потому что ни одну нельзя изучить помимо ея связи съ другими. Пониманіе такой связи необходимо и для спеціалиста. Даже самый ученый спеціалистъ будетъ тѣмъ же неучемъ, если онъ, кромѣ своей спеціальности, ничего не знаетъ и не понимаетъ“.

И, конечно, библіотекаръ долженъ умѣть помочь читателю не только руководящими принципами, но также ихъ приложеніемъ къ выбору книгъ. А для этого онъ непремѣнно долженъ знать и психологію читателя, и книгу.

Наши писатели, публицисты и отчасти библіотекари сравнительно больше вниманія всегда удѣляли психологіи читателя изъ народа: Въ литературѣ мы отчасти видимъ его эволюцію. Во времена крѣпостного права появляется такой читатель, какъ гоголевскій Петрушка: „Ему нравилось не то, о чемъ читалъ, но больше самое чтеніе, что вотъ де изъ буквъ вѣчно выходитъ какое-нибудь слово, которое иной разъ чортъ знаетъ что значить“.

Исключительно процессомъ чтенія интересуется и Валентинъ въ „Старыхъ слугахъ“ Гончарова, выбирая для этого мудренныя и туманныя фразы:

И зримо ей внезапно стало

Незримое съ давнишнихъ поръ.

Глѣбъ Успенскій въ разсказѣ „Голодная смерть“ описываетъ, какъ бѣдный крестьянскій мальчикъ Оедюшка развивался, читая книги, несмотря на то, что „разбиралъ слова какъ Петрушка“ и ровно ничего въ нихъ не понималъ:

„Тайна такого непостижимаго умѣнья развиваться книгой, ничего въ ней не понимая, заключается въ томъ, что развитіе тутъ идетъ не помощью ума или пониманія, а исключительно помощью сердца. Сердце автора подаетъ вѣсть сердцу непонимающаго „слова“ чтеца. Кто и когда изъ самыхъ завзятыхъ знатоковъ писанія понималъ не только доподлинно, а такъ, хоть изъ пятаго въ десятое, что такое читается въ церкви, какая начетчица понимаетъ, что такое написано въ Псалтырѣ, который она зудитъ по годамъ? Что такое написано въ Апостолѣ? Никто, никогда, ни одинъ самый завзятый начетчикъ и грамотей крестьянскаго званія не могъ и не можетъ разсказать (развѣ что вызубривши дѣло дотла), о чемъ такомъ ему читаютъ, но всякій знаетъ, въ чемъ дѣло, потому что сердцемъ понимаетъ сердце автора, будь то царь Давидъ, Апостолъ, самъ Христосъ... Скрытое въ глубинѣ и массѣ словъ чувство, руководившее авторомъ книги, только оно и улавливается слушателями или чтецомъ, и, уловя его, чтецъ или слушатель продолжаютъ только чувствовать въ данномъ сердцу направле-

ни, думая о себѣ. Попробуйте спросить вотъ этого стараго старика, всхлипывающаго на печкѣ отъ чтенія Псалтыря, такого чтенія, въ которомъ никто ничего разобрать не можетъ, потому что тутъ нѣтъ ни остановокъ, ни связи, тутъ раздѣляется пополамъ одно слово и произносится такъ, что одинъ конецъ прилипаетъ къ предшествовавшему слову, а другой къ послѣдующему,—спросите этого плачущаго старика, что такое растрогало его въ этихъ какъ разваленный плетень натыканыхъ его внукомъ словахъ? То, что онъ вамъ отвѣтитъ, будетъ непременно годиться въ горбуновскій разсказъ: непременно выйдетъ что-нибудь въ родѣ: „наслѣжу, говоритъ, слѣдовъ (плачетъ), а ты... гов... (плачетъ) говоритъ, по нимъ и ходи (рыдаетъ)“. Словомъ, выйдетъ непременно какой-нибудь смѣшной вздоръ, сразу обнаруживающій, что рыдающій старикъ глупъ, какъ пробка... А между тѣмъ, онъ рыдаетъ тѣми же слезами, какими рыдалъ и царь... Сердце его такъ же мучается своими прегрѣшеніями, какъ мучилось такъ же своими прегрѣшеніями и сердце пророка... Оба одинаково страдаютъ, каждый о своемъ... Старику передалось только направленіе книги; онъ только почуялъ, что мучился человѣкъ, который писалъ, и простое сердце отвѣчало слезами“...

Въ восьмидесятыхъ годахъ впервые у насъ примѣненъ былъ экспериментальный методъ для изученія читателя изъ народа—какъ сельскаго, такъ и городскаго. Сдѣлано это было кружкомъ учительницъ харьковской воскресной школы, составлявшихъ критическій указатель „Что читать народу“ и провѣрившихъ каждую разбираемую книжку и въ городской, и въ сельской средѣ. Цѣль этого обширнаго труда была отвѣтить на спорный тогда вопросъ, нужна ли народу особая специфическая литература, или онъ въ состояніи воспринимать произведенія общей литературы. Теперь этотъ „вопросъ“ давно разрѣшенъ, и указатель въ свое время много содѣйствовалъ его разрѣшенію. Цѣлаго ряда книгъ, разобранныхъ въ „Что читать народу“, уже не достать, вышло много другихъ, и какъ библиографическое пособіе онъ устарѣлъ, но для характеристики читателя городского и сельскаго онъ все еще даетъ массу интереснаго и цѣннаго матеріала.

Особенности читателя изъ крестьянской и изъ рабочей среды слѣдующимъ образомъ характеризуетъ С. А. Ан—скій въ

«своемъ прекрасномъ, къ сожалѣнію, распроданномъ трудѣ „Народъ и книга“. (М. 1914).

„Разница въ отношеніи къ чтенію крестьянъ и рабочихъ отчасти объясняется экономическимъ положеніемъ этихъ обѣихъ категорій слушателей. Въ то время, когда крестьянинъ-домохозяинъ постоянно находится подъ гнетомъ мелкихъ и крупныхъ повседневныхъ хозяйственныхъ и общественныхъ заботъ, — шахтеръ, въ свободное отъ работы время, не имѣетъ никакихъ „заботъ“, ни личныхъ, ни (большей частью) семейныхъ, ни хозяйственныхъ, ни общественныхъ. Но этимъ, если можно такъ выразиться, экономическимъ факторомъ только отчасти объясняется различіе въ отношеніи крестьянскаго читателя и читателя рабочаго къ книгѣ. Существуетъ между ними еще различіе психологическое, различіе въ характерѣ и настроеніи.

Крестьянинъ менѣе впечатлителенъ и менѣе падокъ на сильныя ощущенія, чѣмъ рабочій. Онъ не прочь выслушать „занимательный“ рассказъ, но, какъ бы сложна и занимательна ни была сама фабула разсказа, она не захватываетъ деревенскаго солиднаго слушателя такъ сильно, какъ рабочаго, и остается для него развлеченіемъ, забавой отъ нечего дѣлать. Серьезно онъ начинаетъ относиться къ книжкѣ только тогда, когда находитъ въ ней что-нибудь полезное: поученіе, указаніе какъ жить. Въ подобномъ отношеніи крестьянина къ книгѣ соединяется его обычная практичность съ издавна сложившимся у него взглядомъ на книгу, какъ на проповѣдь“ (стр. 73).

Тонкую психологію воспріятія книги читателемъ-рабочимъ мы встрѣчаемъ у нѣкоторыхъ беллетристовъ, особенно у М. Горькаго. Въ разсказѣ „Коноваловъ“ тонко очерчено, какъ реагируетъ на книгу герой разсказа, неграмотный солдатъ пекарь, горькій пьяница. Привожу нѣсколько выдержекъ:

„Коноваловъ дремалъ, растянувшись на ларѣ съ тѣстомъ, но шелесть перевертываемыхъ мною надъ его ухомъ страницъ заставилъ его открыть глаза.

— Про что книжка?

Это были „Подлиповцы“.

— Почитай вслухъ, а?.. — попросилъ онъ.

И вотъ, я сталъ читать, сидя на подоконникѣ, а онъ усѣлся на ларѣ и, прислонивъ свою голову къ моимъ колѣнямъ, слушалъ... Иногда я черезъ книгу заглядывалъ въ его лицо и встрѣ-

чался съ его глазами—у меня до сей поры они въ памяти—широко открытые, напряженные, полные глубокаго вниманія... И ротъ его тоже былъ полуоткрытъ, обнажая два ряда ровныхъ, бѣлыхъ зубовъ. Поднятые кверху брови, изогнутыя морщинки на высокомъ лбу, руки, которыми онъ обхватилъ колѣни, вся его неподвижная, внимательная поза подогрѣвала меня, и я старался какъ можно внятнѣе и образнѣе разсказать ему грустную исторію Сысойки и Пилы.

Наконецъ, я усталъ и закрылъ книгу.

— Все ужъ?—шопотомъ спросилъ меня Коноваловъ.

— Меньше половины...

— Всю вслухъ прочитаешь?

— Изволь.

— Эхъ!—Онъ схватилъ себя за голову и закачался, сидя на ларѣ. Ему что-то хотѣлось сказать, онъ открывалъ и закрывалъ ротъ, вздыхая, какъ мѣхи, и для чего-то защурилъ глаза. Я не ожидалъ такого эффекта и не понималъ его значенія.

— Какъ ты это читаешь! шопотомъ заговорилъ онъ. — На разные голоса... Какъ живые всѣ они... Апроська! Пишшшш! Пила... дураки какіе! Смѣшно мнѣ было слушать... но удержался... А дальше что? Куда они поѣдутъ? Господи Боже! Вѣдь это все правда. Вѣдь это какъ есть настоящіе люди... всамдѣлишние мужики... И совсѣмъ какъ живые и голоса, и рожи.. Слушай, Максимъ! Посадимъ печь—читай дальше!

Мы посадили печь, приготовили другую, и снова часъ и сорокъ минутъ я читалъ книгу. Потомъ опять пауза—печь испекла, вынули хлѣбы, посадили другіе, замѣсили еще тѣсто, поставили еще опару...—все это дѣлалось съ лихорадочной быстротой и почти молча.

Коноваловъ, нахмутивъ брови, изрѣдка кротко бросалъ мнѣ односложныя приказанія и торопился, торопился...

Къ утру мы кончили книгу, и я чувствовалъ, что языкъ у меня одеревенѣлъ.

Сидя верхомъ на мѣшкѣ муки, Коноваловъ смотрѣлъ мнѣ въ лицо странными глазами и молчалъ, упершись руками въ колѣни.

— Хорошо?—спросилъ я.

Онъ замоталъ головой, жмуря глаза, и опять-таки почему-то шопотомъ заговорилъ:

— Кто же это сочинилъ? — Въ глазахъ его свѣтилось неизъяснимое словами изумленіе, и лицо вдругъ вспыхнуло горячимъ чувствомъ.

Я рассказалъ, кто написалъ книгу.

— Ну — человекъ онъ! Какъ хватилъ! А? Даже ужасно. За сердце беретъ, т.-е. щиплетъ душу — вотъ до чего живо. Что же онъ, этотъ сочинитель, что ему за это было?

— Т.-е. какъ?

— Ну, на примѣръ, дали ему награду или что тамъ?

— А за что ему нужно дать награду? — спросилъ я.

— Какъ за что? Книга... въ родъ какъ бы актъ полицейскій. Сейчасъ ее читаютъ... судятъ: Пила, Сысойка... какіе же это люди? Жалко ихъ станеть всѣмъ... Народъ темный, невинный... Какая у нихъ жизнь? Ну, и...

— И?..

Коноваловъ смущенно посмотрѣлъ на меня и робко заявилъ:

— Какое-нибудь распоряженіе должно выйти. Люди вѣдь они, и нужно ихъ поддержать...

— Что у тебя есть книжка? — спросилъ Коноваловъ.

— Есть...

— Почитаешь мнѣ?

— Ладно...

— Вотъ хорошо! Знаешь что? Проживу я мѣсяцъ, возьму у хозяина деньги и половину — тебѣ!

— На что?

— Купи книжекъ... Себѣ купи, которыя по вкусу тамъ, и мнѣ купи... хоть двѣ. Мнѣ, которыя про мужиковъ. Вотъ въ родъ Пилы и Сысойки... И чтобы, знаешь, съ жалостью было написано, а не смѣха ради... Есть иныя — чепуха совсѣмъ! Панфилка и Филатка — даже съ картинкой на первомъ мѣстѣ — дурость. Пошехонцы... сказки разныя... Не люблю я это все. Я не зналъ, что есть этакія, вотъ какъ у тебя.

— Хочешь про Стеньку Разина?

— Про Стеньку? Хорошо?

— Очень хорошо...

— Тащи!

И вскорѣ я уже читалъ ему Н. Костомарова: „Бунтъ Стеньки Разина“. Сначала эта талантливая монографія, почти эпическая поэма, не понравилась моему бородатому слушателю.

— А почему тутъ разговоровъ нѣтъ?—спросилъ онъ, заглядывая въ книгу. И когда я объяснилъ—почему, онъ даже зѣвнулъ и хотѣлъ скрыть зѣвокъ, но это ему не удалось, и онъ сконфуженно и виновато заявилъ мнѣ:

— Читай... Ничего. Это я такъ...

Но по мѣрѣ того, какъ историкъ рисовалъ своей художественной кистью фигуру Степана Тимоѣевича, и „князь волжской вольницы“ выросалъ со страницъ книги, Коноваловъ перерождался. Ранѣе скучный и равнодушный, съ глазами, затуманенными лѣнливой дремотой,—онъ, постепенно и незамѣтно для меня, предсталъ предо мной въ поразительно новомъ видѣ. Сидя на ларѣ противъ меня и обнявъ свои колѣни руками, онъ положилъ на нихъ подбородокъ такъ, что его борода закрыла ему ноги, и смотрѣлъ на меня жадными, странно горѣвшими глазами изъ-подъ сурово нахмуренныхъ бровей. Въ немъ не было ни одной черточки той дѣтской наивности, которой онъ всегда удивлялъ меня, и все то простое и женственно-мягкое, что такъ шло къ его голубымъ, добрымъ глазамъ, теперь потемнѣвшимъ и суженнымъ,—исчезло куда-то. Нѣчто львиное, огневое было въ его сжатой въ комъ мускуловъ фигурѣ. Я замолчалъ, взглянувъ на него.

— Читай,—тихо, но внушительно сказалъ онъ.

— Ты что?

— Читай!—повторилъ онъ, и въ тонѣ его вмѣстѣ съ просьбой звучало раздраженіе.

Я продолжалъ, изрѣдка поглядывая на него и видя, что онъ все болѣе разгорается. Отъ него исходило что-то возбуждавшее и опьянявшее меня—какой-то горячій туманъ. И вотъ, я дошелъ до того, какъ поймали Стеньку.

— Поймали!—рявкнулъ Коноваловъ.

Боль, обида, гнѣвъ, готовность выручить Степана звучали въ его сильномъ возгласѣ.

У него выступилъ потъ на лбу и глаза странно расширились. Онъ соскочилъ съ ларя, высокій и возбужденный, остановился противъ меня, положилъ мнѣ руку на плечо и громко, торопливо заговорилъ:

— Погоди! Не читай... Скажи, что теперь будетъ? Нѣтъ, стой, не говори! Казнятъ его? А? Читай скорѣй, Максимъ!

Можно было думать, что именно Коноваловъ, а не Фролка—

родной братъ Разину. Казалось, что какія-то узы крови, неразрывныя и не остывшія за три столѣтія, до сей поры связываютъ этого босяка со Стенькой, и босякъ со всей силой живого, крѣпкаго тѣла, со всей страстью тоскующаго безъ „точки“ духа, чувствуетъ боль и гнѣвъ пойманнаго триста лѣтъ тому назадъ вольнаго сокола.

— Да читай, Христа ради!

Я читалъ, возбужденный и взволнованный, чувствуя, какъ бьется мое сердце, и вмѣстѣ съ Коноваловымъ переживая Стенькину тоску. И вотъ мы дошли до пытокъ.

Коноваловъ скрипѣлъ зубами, и его голубые глаза сверкали, какъ угли. Онъ навалился на меня сзади и тоже не отрывалъ глазъ отъ книги. Его дыханіе шумѣло надъ моимъ ухомъ и сдувало мнѣ волосы съ головы на глаза. Я встряхивалъ головой для того, чтобы отбросить ихъ. Коноваловъ увидалъ это и положилъ мнѣ на голову свою тяжелую ладонь.

„Тутъ Разинъ такъ скрипнулъ зубами, что вмѣстѣ съ кровью выплюнулъ ихъ на полъ“...

— Будетъ!... Къ чорту!—крикнулъ Коноваловъ и, вырвавъ у меня изъ рукъ книгу, изо всей силы шлепнулъ ее объ полъ и самъ опустился за ней.

Онъ плакалъ, и такъ какъ ему было стыдно слезъ, онъ какъ-то рычалъ, чтобы не рыдать. Онъ спряталъ голову въ колѣни и плакалъ, вытирая глаза о свои грязные тиковые штаны.

Я сидѣлъ передъ нимъ на ларѣ и не зналъ, что сказать ему въ утѣшеніе.

— Максимъ!—говорилъ Коноваловъ, сидя на полу.—Страшно! Пила... Сысойка. А потомъ Стенька... а? Какая судьба!... Зубы-то какъ онъ выплюнулъ!.. а?.

И онъ весь вздрагивалъ въ своемъ волненіи.

Его особенно поразили эти выплюнутые Стенькой зубы, и онъ то и дѣло, болѣзненно передергивая плечами, говорилъ о нихъ.

Мы оба съ нимъ были какъ пьяные, подъ вліяніемъ вставшей предъ нами мучительной и жестокой картины пытокъ.

— Ты мнѣ еще разъ прочитай, слышишь?—уговаривалъ меня Коноваловъ, поднимая съ полу книгу и подавая ее мнѣ.— А ну-ка, покажи, гдѣ тутъ написано насчетъ зубовъ?

Я показалъ ему, и онъ впился глазами въ эти строки.

— Такъ и написано: „зубы свои выплюнулъ съ кровью“? А буквы тѣ же самыя, какъ и всѣ другія... Господи! Какъ ему больно то было, а? Зубы даже... а въ концѣ тамъ что еще будетъ? Казнь? Ага! Слава Те, Господи, все-таки казнятъ чело-вѣка!

Онъ выразилъ эту радость передъ казнью съ такой страстью, съ такимъ удовлетвореніемъ въ глазахъ, что я вздрогнулъ отъ этого состраданія, такъ сильно желавшаго смерти измученному Стенькѣ.

Весь этотъ день прошелъ у насъ въ странномъ туманѣ: мы все говорили о Стенькѣ, вспоминая его жизнь, пѣсни, сло-женныя о немъ, его пытки. Раза два Коноваловъ запѣвалъ звучнымъ баритономъ пѣсни и обрывалъ ихъ.

Мы съ нимъ стали еще ближе другъ къ другу съ этого дня“.

Мастерски очерчиваетъ М. Горькій стремленіе очень обез-доленныхъ людей уйти отъ неприглядной жизни въ міръ фанта-зіи. Въ рассказѣ „Болесь“ падшая дѣвушка создаетъ себѣ иллюзію, что ее любитъ какой-то не существующій молодой человѣкъ „Болесь“ и диктуетъ письма къ нему и отъ него къ себѣ. Такими же фантазіями упивается „Настя“ въ пьесѣ „На днѣ“. Она искренно страдаетъ отъ того, что ее этимъ поддразнивають, и глубокимъ драматизмомъ звучитъ ея фраза: „Что, понялъ теперь, каково человѣку, когда ему не вѣрятъ“.

Эта потребность забыться и унести въ другой міръ со-ставляетъ психологическую основу увлеченія лубочной литера-турой. Гл. Успенскій рассказываетъ о томъ, какъ онъ, сидя въ захолустѣ, съ увлеченіемъ читалъ длиннѣйшій лубочный ро-манъ „Рокамболь“.

„Я понялъ въ эти минуты, почему нелѣпый, ничего живого не заключающій въ себѣ французскій романъ маленькихъ газе-токъ съ такою жадностью читается бѣднымъ рабочимъ клас-сомъ; болѣе ужасное одиночество, въ которое поставленъ евро-пейскій рабочій, трудно себѣ представить; революція, увѣривъ его, что онъ—не скотъ, а человѣкъ, все-таки до сей минуты не дала ему уюта, а оставила одного среди пустой площади и сказала: „ну, братъ, теперь живи, какъ знаешь“. Кругомъ него все чужіе,—и вотъ почему Рокамболь, сто разъ умирающій, сто разъ воскресающій, можетъ заставлять грустить и радо-

ваться одинокое сердце... Пожалуйста, господа романисты, берите краски для романовъ, которые пишете вы рабочему одинокому человѣку, еще гуще, еще грубѣе тѣхъ, какія вы до сихъ поръ брали... Одиночество человѣка становится все ужаснѣе, судьба загоняетъ его все въ болѣе и болѣе темный уголъ, откуда не видно свѣта, не слышно звуковъ жизни... Бейте же въ барабаны, колотите что есть мочи въ мѣдныя тарелки, старайтесь представить любовь необычайно жгучею, чтобы она въ самомъ дѣлѣ прожгла нервы, также въ самомъ дѣлѣ сожженные настоящимъ, заправскимъ огнемъ. Не церемоньтесь поэтому, господа, дешевые романисты, рисовать все, что есть хорошаго въ жизни, самыми аляповатыми красками, доводить черты красиваго, великаго до громадныхъ размѣровъ, чтобы намъ было видно ихъ изъ такой страшной дали... Слѣдуя этому плану, господа нелѣпые романисты могутъ быть увѣрены, что ихъ Рокамболь можетъ воскресать сто тысячъ разъ и всякій разъ его примутъ съ распростертыми объятіями... Онъ, въ этой тѣмѣ одиночества—другъ и пріятель, вокругъ котораго жизнь кипитъ ключемъ, какъ вода вокругъ паровознаго колеса; возможно ли съ нимъ разстаться когда-нибудь?

Въ разсказѣ В. Вересаева „На поворотѣ“ рабочій Балуюевъ, выучившійся читать уже взрослымъ ради того, чтобы самому одолѣвать „французскіе романы“, такъ передаетъ свое впечатлѣніе отъ этой книги и сложившееся отношеніе къ ней:

„Помню, читаль я „Рокамболя“; два тома прочелъ, а дальше не могъ достать; ужъ такая меня взяла досада! Что съ нимъ дальше, съ этимъ Рокамболомъ, случится? Хоть иди на деньги покупай книжку, ей-Богу!.. Ну, ладно. Прошло года четыре. Ужъ Добролюбова прочелъ, Шелгунова, Глѣба Успенскаго. Вдругъ попадается мнѣ продолженіе... Желанный! Забралъ я книжку домой, думалъ ужъ ночь не посплю, а прочту. Сталъ читать—пятьдесятъ страницъ прочелъ и бросилъ. Такая глупость, такая скучища! А все-таки добромъ я ее помяну всегда,—она меня читать научила. Эти Рокамболи, вы знаете, они большое дѣло дѣлаютъ!..

Съ этимъ интересно сопоставить слѣдующее наблюденіе бібліотекаря Бакалинской бібліотеки Уфимск. у.:

„Крестьянамъ скучны разсказы изъ крестьянскаго быта, если только они не задѣваютъ особо острыхъ вопросовъ ихъ

жизни или написаны, по ихъ мнѣнію, интересно, т.-е. быстро развивается дѣйствіе, отсутствуютъ длинныя разсужденія и есть сильно драматическіе эффекты; особенно цѣнятся крестьянами первое и послѣднее. На основаніи послѣднихъ замѣчаній становится для насъ нѣсколько понятнымъ господствовавшій до сихъ поръ на рынкѣ спросъ крестьянина на всѣ эти „Тайны испанскаго двора“, въ которыхъ сложная интрига романа можетъ держать въ постоянномъ напряженіи его вниманіе и въ которыхъ рѣзко и выпукло очерчиваются примитивныя чувства, близкія и понятныя даже бакалинскому мужику, хотя они и приписываются испанскому гранду. Крестьянская жизнь весьма обѣдна впечатлѣніями, и на этой-то почвѣ создается у крестьянъ стремленіе найти ихъ хотя бы въ дурманѣ всякихъ тайнъ. И эту потребность въ сильныхъ впечатлѣніяхъ всегда приходится учитывать при первыхъ выдачахъ книгъ начинающимъ читателямъ; только вмѣсто различныхъ „тайнъ“ обыкновенно имъ выдаются вполне приличные романы, сильно бьющіе на чувства“.

Въ библіотекахъ интересно собирать матеріалъ не только по индивидуальной, но и по коллективной психологіи читательства, изучая нарастаніе и паденіе читательскихъ интересовъ, „моду“ на какую-нибудь книгу или какого-нибудь писателя и проч. Для этого можно было бы широко использовать данныя библіотечной статистики, конечно, не ограничиваясь только цифрами, а давая имъ поясненіе и освѣщеніе. Привожу одну изъ попытокъ такой характеристики для періода 1906—1908 гг., сдѣланную въ отчетѣ Екатеринодарской Пушкинской библіотеки:

„1905 и 1906 годы были расцвѣтомъ по отношенію спроса книгъ въ библіотекѣ по общественнымъ вопросамъ, а особенно: по народовластію, конституціонному праву и аграрному вопросу.“

Въ 1906 году книга сочин. А. Лоуэлль: „Правительства и политическія партіи въ Европѣ“ требовалась 620 разъ; сборникъ „Мелкая земская единица“ — 540, сочин. Б. Чичерина: „Вопросы политики“ — 590, Ягцовъ: „Къ освѣщенію соціальнаго вопроса“ — 603, К. Каутскій: „Аграрный вопросъ“ — 570, К. Марксъ: „Капиталъ“ — 430, В. Желѣзновъ: „Очерки политической экономіи“ — 590.

Въ 1907 году эти книги имѣли уже слѣдующій спросъ: Лоуэлль — 150, „Земская единица“ — 75, Ягцовъ — 205, Каутскій — 340, Марксъ — 400, Желѣзновъ — 400.

Но зато въ этомъ году вышедшія въ свѣтъ сочин. Бакунина—703; Л. Черный—514, Кенанъ—600, Дебогорій - Мокріевичъ — 530, Дейчъ, Л. — 605, Тунъ — 480, Штирнеръ — 630, Форъ—590.

Съ 1907 года въ громадномъ количествѣ спрашиваются русскіе классики, ихъ критики и всевозможныя пособія по исторіи и исторіи литературы, какъ-то: Овсяннико-Куликовскій, Ивановъ-Разумникъ, Скабичевскій, Писаревъ, Бѣлинскій, Чернышевскій, Незеленовъ, Ключевскій, Грушевскій, Довнаръ-Запольскій, Милуковъ, Семевскій, Пыпинъ, Карѣевъ.

Это объясняется тѣмъ обстоятельствомъ, что съ этого приближительно времени въ мѣстныхъ средне-учебныхъ заведеніяхъ расширена программа по исторіи и исторіи литературы, и отъ учащихся потребовали детальнаго знакомства съ сочиненіями вышеприведенныхъ авторовъ. До своего апогея спросъ какъ на русскихъ классиковъ, такъ и на ихъ критиковъ дошелъ къ концу 1908 года.

Л. Н. Толстой въ 1906 году былъ взятъ изъ библіотеки — 900 разъ, въ 1907 году—1200, въ 1908 году—2500; И. С. Тургеневъ въ 1906 году—700, въ 1907 г.—1000, въ 1908 г.—1100; И. А. Гончаровъ въ 1906 г.—750, въ 1907 г.—1050, въ 1908 г.—2400; Ф. М. Достоевскій въ 1906 г.—500, въ 1907 г.—980, въ 1908 г.—1700. На сочиненія Л. Н. Толстого: „Война и миръ“ и „Анна Каренина“ спросъ такъ великъ, что, несмотря на то, что эти труды въ библіотекѣ имѣлись въ девяти экземплярахъ, желающихъ получать на очереди всегда числилось отъ 150 до 200 человѣкъ.

1907 годъ и первая половина 1908 года вызвали огромнѣйшій спросъ среди дѣтей на сочиненія Конанъ-Дойля „Похожденія Шерлока-Хольмса“. Всѣ дѣти спрашивали лишь эти книги, хотя въ библіотекѣ онѣ имѣются въ весьма ограниченномъ количествѣ; но во второй половинѣ 1908 года спросъ на эту литературу прошелъ, и дѣти опять стали зачитываться сочиненіями: Майнъ Рида, Купера, Жюль Верна, Эмара, Вальтеръ-Скотта, Мамина-Сибиряка, Авенариуса, Желиховской, Алтаева, Анненской.

1908 годъ на книжный рынокъ выбросилъ еще въ другомъ духѣ литературу, это—литература половой этики и половыхъ проблемъ.

Въ началѣ года на книгу Фореля „Половой вопросъ“ поступало ежедневно до 300 требованій, въ концѣ же года на книгу Веннингера „Поль и характеръ“ поступало до 350 требованій.

Въ это же время въ громадномъ количествѣ поступало требованій на сборники: „Шиповникъ“, „Жизнь“ и „Земля“. Особенно № 1-й „Жизни“, благодаря повѣсти Куприна „Морская болѣзнь“, имѣлъ большой спросъ: до ста въ день.

И ранѣе популярная Вербицкая, съ конца 1907 года принявшая въ своихъ романахъ затрагивать сексуальные вопросы, теперь достигла апогея своей литературной славы. Ея романъ „Духъ времени“ побилъ рекордъ,—ни одна книга въ теченіе пяти лѣтъ не имѣла такого спроса, какъ этотъ романъ,—700 требованій иногда въ день.

Къ сожалѣнію, обычно у насъ ограничиваются въ библиотечныхъ отчетахъ только цифрами, которыя при несовершенной постановкѣ статистики далеко не всегда являются надежными. Кромѣ того, у насъ нѣтъ единства въ системѣ библиотечныхъ работъ, и потому сопоставленіе и сводка данныхъ довольно затруднительны. И съ большою осторожностью надо относиться къ тѣмъ выводамъ, которые дѣлаются на основаніи несовершенныхъ, неполныхъ и малочисленныхъ статистическихъ данныхъ. Въ статистикѣ важно именно количество наблюденій, потому что лишь при массовомъ наблюденіи, на основаніи „закона большихъ чиселъ“, устраняются случайности, которыя могутъ искажать дѣйствительность и вести къ ошибочнымъ заключеніямъ.

На лейпцигской международной выставкѣ 1914 года петроградское общество библиотекостроенія помѣстило діаграмму подъ названіемъ „Духовные запросы въ городѣ и селѣ“. Здѣсь были цифры, показывающія, что въ сельскихъ библиотекахъ читается значительно больше научныхъ книгъ, чѣмъ въ городскихъ. Когда въ прессѣ было отмѣчено, что это—парадоксъ и поставленъ вопросъ, на основаніи какихъ данныхъ сдѣланъ такой выводъ, общество библиотекостроенія отвѣтило въ „Библиотечкарь“, что данныя взяты по Уфимской губ., но могутъ быть признаны характеристичными для всей Россіи. Незадолго передъ тѣмъ вышла брошюра, въ которой суммировалась дѣятельность нѣсколькихъ десятковъ сельскихъ библиотекъ и восьми библио-

текъ для служащихъ земства по названной губерніи. Разумѣется, этихъ данныхъ слишкомъ мало, и библіотеки для „третьяго элемента“, широкой публикѣ недоступны, не показательны для дѣятельности городскихъ библіотекъ, и Уфимская губернія тоже не показательна для всей Россіи. Поэтому діаграмма, выставленная обществомъ библіотековѣдѣнія, дѣлавшая выводы для всей Россіи на основаніи такого матеріала, который ни по количеству, ни по качеству для этихъ выводовъ не былъ достаточнымъ, безъ поясненія и освѣщенія, представляетъ типичный образецъ неправильной статистики. Взяты несоизмѣримыя данныя: сельскія публичныя и городскія непубличныя библіотеки, малое и совершенно случайное число тѣхъ и другихъ, и, наконецъ, не указано, что въ сельскихъ библіотекахъ подъ научными книгами разумѣютъ популярныя брошюрки и переходныя пулубеллетристическія сочиненія, тогда какъ въ городскихъ составъ научныхъ отдѣловъ содержитъ болѣе серьезныя и болѣе трудныя книги.

Незадолго передъ тѣмъ г. Жулевъ *) въ томъ же вопросѣ пришелъ къ аналогичному выводу, благодаря той же неправильности метода: онъ взялъ данныя нѣсколькихъ сотенъ сельскихъ библіотекъ и трехъ десятковъ городскихъ библіотекъ, изъ которыхъ въдобавокъ значительная доля упала на петербургскія городскія библіотеки, которыя не могли похвалиться хорошей постановкой. Изъ этихъ случайныхъ данныхъ онъ также сдѣлалъ выводъ, что въ сельскихъ библіотекахъ читатель проявляетъ больше интереса къ научнымъ отдѣламъ, чѣмъ въ городскихъ (опять таки не указывая, что разумѣется подъ научной книгой въ селѣ).

Такой же произвольностью отличаются выводы г. Медынского о дѣятельности сельскихъ библіотекъ, которые помѣщены въ его книгѣ „Внѣшкольное образованіе“ 3 и 4 изд. Онъ сводитъ въ одной табличкѣ данныя о библіотекахъ 18 губерній за 1909—1911 гг. (т.-е. одни отчеты за 1909, другіе за 1909/10, третьи за 1911), а въ другой—данныя о библіотекахъ 15 губерній за 1912—1915 гг. Иныя губерніи представлены только двумя, тремя уѣздами, но самое главное, что: 1) данныя взяты не одновременныя, такъ что сопоставленіе является искусствен-

*) Современный читатель изъ народа. „Русск. Школа“. 1912, IX и X.

нымъ; 2) что въ обѣихъ таблицахъ губерніи взяты *не одни и те же*. Въ первой таблицѣ есть свѣдѣнія о Вятской, Ярославской, Тамбовской, Владимирской, Воронежской, Вологодской, Полтавской губ., которыя совершенно не представлены во второй таблицѣ, зато во второй упомянуты Нижегородская, Ставропольская, Уфимская, Черниговская губ. и нѣкоторые уѣзды, которыхъ вовсе нѣтъ въ первой. И все-таки авторъ считаетъ возможнымъ дѣлать *сопоставленія* изъ несоизмѣримыхъ таблицъ, напр., „на одну бібліотеку приходится 132 читателя противъ 146 въ 1909—1911 году“ и т. д. Развѣ же есть какое-нибудь основаніе утверждать, что это — паденіе числа читателей? Вѣдь во второй таблицѣ отсутствуютъ губерніи съ большимъ развитіемъ бібліотечнаго дѣла — вотъ уже и неминуемая разница. И нѣтъ никакого сомнѣнія, что если бы для обслѣдованія взята была, какъ полагается, *единовременная картина*, а не мозаика за разные годы, то результатъ тоже получился бы иной.

Изученіе читателя и психологическое, и статистическое должно лечь въ основу бібліотечной работы, смыслъ которой — „все для читателя“, но изученіе должно вестись научно и правильно, а такая „статистика“ далека и отъ научности, и отъ правильности.

XII.

Библіотекаръ — душа дѣла.

Для того, чтобы бібліотека выполняла свою высокую культурно-соціальную миссію, необходимо, чтобы она была живымъ организмомъ, а организмъ можетъ быть живымъ лишь тогда, когда въ немъ есть душа.

Душой бібліотеки, той живой силой, которая приводитъ въ движеніе всѣ ея органически связанныя между собою части, является бібліотекаръ.

Роль бібліотекаря весьма значительна. Помогая чтенію, онъ помогаетъ развитію, формированію мыслей, выработкѣ міросозерцанія. Онъ — руководитель и учитель, но передъ нимъ не однородная группа учащихся и не заранѣе предопредѣленная программа, которую онъ долженъ выполнять: сфера его вліянія простирается на людей самыхъ разнообразныхъ типовъ, подго-